

Аmineва Венера Рудалевна

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЫ В ХИКАЯ А. ЕНИКИ "НОЧНАЯ КАПЕЛЬ"

В статье рассматривается динамика субъектных структур в рассказе А. Еники "Ночная капель". Определены ситуации, в которых точка зрения героя в несобственно-прямой речи преобладает над авторским голосом. Сделан вывод о том, что характер соотношения слова персонажа и авторской речи (от слияния до полного размежевания и выделения голоса повествователя в обособленные характеристики персонажа) становится способом эстетической оценки героя и его судьбы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 12-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.01/.09

В статье рассматривается динамика субъектных структур в рассказе А. Еники «Ночная капель». Определены ситуации, в которых точка зрения героя в несобственно-прямой речи преобладает над авторским голосом. Сделан вывод о том, что характер соотношения слова персонажа и авторской речи (от слияния до полного размежевания и выделения голоса повествователя в обособленные характеристики персонажа) становится способом эстетической оценки героя и его судьбы.

Ключевые слова и фразы: татарская проза; повествователь; персонаж; несобственно-прямая речь; психологизм.

Аминова Венера Рудалевна, д. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
amineva1000@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЫ В ХИКАЯ А. ЕНИКИ «НОЧНАЯ КАПЕЛЬ»

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Республики Татарстан (проект № 17-14-16004 а(р)).*

Статус автора и тип повествования, определяющие принципы организации субъектной сферы произведений, являются центральными проблемами литературоведения. Но они представляются недостаточно изученными применительно к татарской литературе 2-й половины XX в. в целом и к творчеству отдельных писателей в частности¹. Эта тема приобретает особую актуальность по отношению к творчеству А. Еники (1909-2000), в произведениях которого представлены разнообразные типы субъектных структур, исследование которых имеет принципиальное значение для современной теории эпических жанров.

В работах Ф. Хатипова и Р. Сверигина [12], Д. Загидуллиной [8, б. 186-211], А. Карамовой [10] и др. проанализированы используемые писателем принципы и приемы психологического изображения. Д. Э. Ибатуллина, рассматривая различные варианты отношений между субъектами сознания и речи в прозе писателя, приходит к выводу: «...наиболее характерным для писателя является построение повествовательного текста как отношение одного субъекта речи к двум субъектам сознания...» [9, с. 14]. На материале повести «Невысказанное завещание» (1965) установлена следующая закономерность: «...углублению психологического анализа соответствует перевес плана персонажа в повествовании, усиление дидактически-назидательной тенденции отражается в замещенной прямой речи, в которой преимущественно слышен “голос” автора» [3, с. 14].

Иная тенденция творчества писателя проявляется в произведениях, в которых акцент переносится на раскрытие психологии человека, не удовлетворенного тем, как складывается его жизнь, обнаруживающего в своем поведении малодушие, стремление к самоутверждению и т.д. В хикая² «Тонге тамчылар» («Ночная капель», 1964) ставится важнейшая философская, нравственная, психологическая проблема – человек и его выбор в сложнейших обстоятельствах времени. Основными приемами создания сферы персонажа-субъекта являются несобственно-прямая речь и сопровождающие ее психологическое описание и психологическое повествование. Исследование субъектной архитектуры данного произведения проводится с опорой на работы по нарратологии и теории текстовой интерференции [4; 5; 11; 13].

Несобственно-прямая речь, в которой, по М. М. Бахтину, интерферируют два ценностно-смысловых кругозора – автора и героя [4, с. 118], – выполняет в этом рассказе нарративные функции, становясь конструктивным способом построения сюжета. В формах нарраториальной несобственно-прямой речи с характерным для нее безусловным господством авторской позиции повествуется о том выборе, который сделал Халиль двадцать пять лет назад, когда предал чистую искреннюю любовь к Лейле и женился на Мервар, испугавшись ее угрозы: «Бел, мин синен чын йөзеңне фаш итэчкмен!» [7, б. 229]. / «Знай, я разоблачу тебя, узнают, кто ты таков!..³» [6, с. 88]. Голос повествователя, сливаясь с мыслями героя, обнаруживает главный мотив его поведения – всепоглощающий страх: «Фаш ителу! О, бу, иң гонаһсыз кешенен дә котын ала торган, гаят

¹ Существует ряд работ, посвященных исследованию субъектной сферы произведений татарских поэтов 1960-1980-х гг. [1; 2].

² *Хикая* (хикая) – в переводе с татарского: рассказ, повествование. Понятие «рассказ» мы используем не в специальном, терминологически строгом словоупотреблении, а как условное обозначение прозаических произведений малой и средней форм.

³ Перевод данного рассказа выполнен М. Рафиковым.

куркыныч сүз иде» [7, б. 229]. / «Быть разоблаченным! О, это слово могло ввергнуть в трепет даже самую безгрешную душу» [6, с. 88]. В этом монологе запечатлено обобщенно-личное сознание людей, пытающихся найти объективное оправдание предательства Халиля: чтобы обрести душевный покой, можно сослаться на власть судьбы, общественно-политическую обстановку в стране, законы времени и т.д.

Рефлексия повествователя на жизнь Халиля, который не заметил, как прошло время, сохраняет отстраненно-ироническую дистанцию от героя. Констатируя неспособность Халиля противостоять обстоятельствам и утрату им нравственных ориентиров, автор воссоздает характерные для сознания «массового человека» спасительные рефлексии: для того, чтобы сохранить внутреннее равновесие, нужно избегать разрушительных сомнений, отказаться от размышлений и воспоминаний. Однако завершающее образ героя риторическое слово безличного повествователя, занимающего по отношению к нему позицию крайней этической вменяемости, теснит зону героя, в которой выражается неокончателность, незавершенность человека и его душевной жизни и которая становится формой проникновенного психологического анализа: «Әмма ләкин Ләйләне Хәлил бервакытта да онытып бетерә алмады» [7, б. 229]. / «Одну Лейлу не мог Халиль позабыть» [6, с. 89].

Момент, когда в Халиле пробуждается душа, принципиально меняет отношения субъектов: зона сознания безличного повествователя начинает вбирать в себя формы драматического переживания героя. Удельный вес лексико-семантических и ритмико-интонационных маркеров «голоса» персонажа возрастает в моменты предельного психологического напряжения, эмоционального переживания судьбоносных мгновений. Такова реакция Халиля на известие о том, что из Ленинграда приехала Лейла. Он пытается убедить себя в том, что это событие никак не может повлиять на его сложившуюся устойчивую жизнь, в которой все делается по раз и навсегда заведенному порядку. Однако с тоном объективного повествования контрастируют и перебивают его глубоко личные экспрессивные формы сознания и речи героя, выражающие его взволнованность, растерянность, душевную боль. Внутренние монологи героя отражают обыденное сознание человека, погруженного в поток повседневной жизни и выведенного из состояния душевного равновесия ситуацией, вызвавшей в нем столкновение рационального и чувственного, внешнего и внутреннего, желаемого и должного.

Насыщенность несобственно-авторской речи элементами, указывающими на перспективу персонажа, увеличивается по мере того, как Халиль невольно *выпадает из причинно-следственного ряда обыденных действий своей жизни*. Средством выражения душевной драмы героя становится сочетание внутреннего монолога и несобственно-прямой речи, переходящей в поток сознания. Во внутренних монологах звучит голос разума, властно подавляющего стихию чувств. И только с одним желанием – увидеть Лейлу – Халиль никак не может справиться. Воспоминания о ней создают ценностный мир, в котором выявляется вся условность привычных норм бытия и устанавливается другая мера вещей. Все, что для Халиля было значимо в жизни: душевное спокойствие, благополучие, занимаемое положение, – забывается, и кажется в этот момент, что вся жизнь зависит от того, увидит или нет он Лейлу. Душевному напряжению, интенсивности переживаний соответствуют подчеркнуто-экспрессивные стиливые формы.

Но у Халиля нет воли и мужества, чтобы навестить Лейлу. Он ощущает себя нравственно опустошенным, неспособным на поступок. Душевное состояние героя раскрывается в форме подробного психологического комментария, представляющего собой несобственно-прямую речь с включенными в нее внутренними фразами персонажа, выражающими его эмоционально окрашенные раздумья: «“Бу нинди балалык!” – диде Хәлил, үзүзән ачуы килеп. Олы башы белән түбәнсенеп йөрүзән кинәт хурланып куйды. Болай урам таптаганчы, туптуры гына керергә иде дә: “Ләйлә ханым, мин сезне күрергә килдем”, – дип әйтергә иде. Кем гаеп итәр иде? Бер дә гәнаһсыз, бик табигый теләк ич бу! Ләкин юк, мөмкин түгел, жан-теләкләргә кемдер салган богау бар...» [7, б. 233]. / «“Ребачество!” – вдруг обозлился на себя Халиль. Ему стало стыдно, что он ходит тут, унижается. Разве не лучше было бы попросту войти и сказать: “Лейла-ханум, я пришел повидаться с вами!” Кто бы мог осудить? Это же так естественно, так невинно. Но, увы, это невозможно: желанья сердца связаны, опутаны...» [6, с. 92]. Проникновенная исповедальность этих признаний подготавливает катарсис-прозрение. Халиль не может понять, что с ним происходит: трезвый анализ и критические размышления наталкиваются на внутреннее сопротивление. Уделом героя становится раздвоенность влечений сердца и трезвой рассудочности.

Предельным выражением подобной душевной настроенности является состояние опьянения. Переживание забытья-освобождения исполнено глубокого нравственно-психологического смысла: оно предполагает отчужденность от происходящего, отвечает потребности уединиться, дать волю истинным чувствам и желаниям, свидетельствует о постоянной сосредоточенности на них. Психологическое изображение, идущее от повествователя, воссоздает глубинные основы личности героя, обнаружившего способность выйти за пределы характерологического поведения и приблизиться к границам своего «я». Идеологическое разногласие между повествователем и героем преодолевается, между ними устанавливается диалог-согласие – «полная солидарность в оценках и интонациях» [5, с. 433].

Речевые сферы автора и персонажа сближаются, вплоть до полного слияния двух голосов в финальных монологах, *по мере осознания героем собственного бытия и обретения им качественно нового «я»*. Внутреннее созерцание причин и следствий всего с ним происходящего, анализ итогов жизни вызывают чувства стыда и боли, делая героя в известном смысле авторским «двойником». Повествователь смотрит на персонажа его же глазами, начинает говорить его «словом». В силу этого обличительный пафос приобретает новый импульс и особую силу, что находит выражение в экспрессивно-оценочном характере лексики, эмоциональной насыщенности ритма: «Иә, ничек яшәдең син монарчы, профессор Хәлил Кәримович Ишмаев? Профессор! <...> Ләкин әйт, ничек ирештең син моңа? Акылың, талантың бик зур булып, башка галимнәр белән гадел рәвештә ярышып, фән дөнъясына үз буразнаңны ерып килеп кердеңме? Шундый чын галим

булып күтәрелдеме син? Иә, әйт, курыкма!» [7, б. 235-236]. / «Ну, как ты жил до сих пор, профессор Халиль Каримович Ишмаев? Профессор! <...> По признайся, а как ты этого достиг? Силой ума и таланта? Путем честного состязания с другими учеными? Проводя свою борозду в науке? Настоящим ли бойцом науки ты вырос? Ну, отвечай, не трусь!» [6, с. 95]. Трезвый самоотчет перед собственной совестью выявляет одну из социально-психологических закономерностей эпохи. В ряды крупных ученых выбивались отнюдь не те, кто совершал открытия, в дискуссиях отстаивая свои взгляды и научные принципы, а те, у кого их не было, кто следовал за авторитетами, повторяя общепризнанные истины.

Рассуждения Халиля о причинах его душевной драмы не ограничиваются социологическими мотивировками. Общественно-исторические условия, определяющие круг возможностей человека, соотносятся с внутренним источником его поступков и переживаний. Жизненный путь героя осмыслен в контексте таких универсальных коллизий как «человек и время», «успех и пути к нему», «истинные и мнимые ценности», «благополучие и цена за него» и др. Проснувшаяся мысль срывает умиротворяющую завесу, которая долгое время застилала взор, и поднимается на вершину высшей истины, с позиции которой все обретает новый смысл, – наступает прозрение. Выясняя мотивы своих действий, Халиль с мужественной откровенностью признается себе: «Әйе, аның яшисе, эшлисе, үсәсе-күтәреләсе килә иде. Иленә һәм халкына ихлас күнелдән хезмәт итәсе килә иде. <...> Бер ише кешеләр, жан саклауны, хәвәф-хәтәрсез яшәүне бөек идеаллар хакына дигән сылтау белән аклап, ихтыярысыз курчакка, обывательгә әверелде. Менә фажиганең тамыры кайда!..» [7, б. 236]. / «Да, тебе хотелось жить, работать, расти, но ты заглушил в себе и самостоятельную мысль, и голос совести. Стремление любой ценой сохранить свое благополучие оправдывал ты лучшими намерениями, высшими идеалами – и стал обывателем. Вот в чем корень зла!..» [6, с. 95-96]. Рассказ героя о себе обладает исчерпанностью объяснений и мотивировок, придающих повествованию драматическую напряженность. Здесь все названо своими именами, и этот процесс номинации выливается в страстную обличительную речь.

Используемая А. Еники аналитическая форма психологизма дает возможность двойного угла зрения: субъект речи смотрит на себя с высоты личного сознания и «изнутри», выступая одновременно и осуждающим, и осуждаемым. Это дает возможность раскрыть типичность героя, воссоздать историческую и социальную детерминированность его психологии: в условиях тоталитарного режима человек может выжить и преуспеть, если он приспосабливается к ситуации, а не следует своим нравственным принципам. Вместе с тем, способность к самоанализу и самопознанию, умение давать объективную оценку своим поступкам и душевным движениям приближают героя к субстанциональным основам его существования, отчуждая от других людей, от социальной среды, конкретных житейских обстоятельств, наконец, от себя самого. Этот процесс проявляется в динамике субъектных форм. «Я» – носитель речи (одновременно и персонаж, и повествователь) воспринимает себя как другого – как «ты», что придает исповедальному монологу максимальную обобщенность и в то же время конкретность, личностность.

Итак, эстетически значимым и семантически нагруженным в хикая «Ночная капля», как и во многих других произведениях А. Еники, становится сам тип повествования, в котором между словом героя и речью безличного повествователя нет четкой грани, и они могут свободно перетекать друг в друга. Это приводит к расширению зоны рефлексии героя, который, погружаясь в глубины своей души, постепенно постигает самого себя: причины и следствия, казалось бы, невольных, вынужденных отступлений от совести, моральных компромиссов, имеющих какие-то оправдания, но, тем не менее, не меняющих отрицательного вектора движения души. Этот психологический процесс трансформирует субъектную ситуацию в рассказе – персонаж постепенно уравнивается с повествователем, их ценностно-смысловые позиции и голоса сливаются. Достаточно широкая амплитуда колебаний в соотношении слова персонажа и авторской речи (от слияния до полного размежевания и выделения голоса повествователя в обособленные характеристики персонажа) становится способом эстетической оценки героя и его судьбы. Из глубин личного опыта героя вырастает обобщение, переходящее в формулировку психологических, исторических, философских закономерностей. В образе Халиля Ишмаева выявлена сущность характерного для эпохи типа личности – типа человека слабого, безвольного, приспособляющегося к той или иной конъюнктуре, неспособного к действию, решительному поступку и в то же время страдающего, глубоко несчастного, обреченного на муки безотрадной тоски, трагедию глубокого одиночества и разбитых надежд.

Список источников

1. **Аминова В. Р.** Не-(пост) классическая картина мира в национальном историко-литературном процессе (на материале лирики Р. Ахметзянова) // *Studia Litterarum / ИМЛИ РАН*. 2016. Т. 1. № 3-4. С. 278-297.
2. **Аминова В. Р.** Образные языки авангардной лирики // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. 2. С. 32-35.
3. **Аминова В. Р.** Повествователь и герой в повести А. Еники «Невысказанное завещание» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 7 (61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 12-14.
4. **Бахтин М. М.** Слово о романе // *Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература, 1975. С. 72-233.
5. **Бахтин М. М.** Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. 607 с.
6. **Еникеев А. Н.** Глядя на горы. Повесть и рассказы / пер. с тат. М.: Современник, 1974. 380 с.
7. **Еники А.** Әсәрләр: 5 т. Казан: Татар. кит нәшр., 2000. Т. 1. 447 б.
8. **Зәһидуллина Д. Ф.** 1960-1980 еллар татар әдәбияты: январыш майданнары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татарстан китап нәшр., 2015. 383 б.
9. **Ибатуллина Д. Э.** Поэтика прозы Амирхана Еники: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 1993. 22 с.
10. **Карамова А. З.** Психологизм в творчестве Амирхана Еники: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2005. 20 с.

11. **Манн Ю. В.** Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 431-480.
12. **Хатилов Ф. М., Свергин Р. Х.** Эмирхан Еники: эдипнең тормыш һәм ижат юлы: монография. Казан: ТДГПУ, 2009. 114 б.
13. **Шмид В.** Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

SPECIFICITY OF SUBJECTIVE SPHERE ARRANGEMENT IN THE KHIKAYA BY A. ENIKI "NIGHT THAW"

Amineva Venera Rudalevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga region) Federal University
amineva1000@list.ru

The article examines the subjective structure dynamics in the story by A. Eniki "Night Thaw". The paper identifies the situations in which the character's viewpoint in the reported speech prevails over the author's voice. The researcher concludes that the nature of correlation between personage's speech and author's speech (from coincidence to complete differentiation and transformation of narrator's voice into the hero's individuality) becomes a means of esthetic evaluation of a personage and his destiny.

Key words and phrases: Tatar prose; narrator; personage; reported speech; psychologism.

УДК 398.21

К числу фундаментальных этических категорий относится «альтруизм», введенный в середине XVIII века в официальную терминосистему О. Контом для восполнения недостающей парной категории «эгоизма». Проведенный анализ народных сказок позволяет сделать вывод об амбивалентном, поликонцептуальном характере «альтруизма», богатстве его вариативного спектра. Одним из наиболее действенных средств развития альтруизма у подрастающего поколения является морально-нравственный опыт, представленный в народных сказках. При этом условия современного поликультурного мира диктуют необходимость изучения сказок различных культур.

Ключевые слова и фразы: альтруизм; эгоизм; карачаево-балкарская сказка; разумный альтруизм; трансфинитный альтруизм.

Берберов Бурхан Абуясуфович, д. филол. н.
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, г. Нальчик
burhan_berberov@mail.ru

Берберова Лиана Бурхановна, к. пед. н.
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
berberova.liana@yandex.ru

АЛЬТРУИЗМ КАК ПОЛИЭТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ

На протяжении многих лет такое качество личности человека как альтруизм продолжает оставаться непостижимым феноменом для философов, педагогов, литераторов. В данной статье ставится задача – исследовать философские корни альтруизма и показать его поликонцептуальный характер, который особенно отчетливо виден на этнокультурном материале.

Впервые термин ввел в культурологическое поле французский философ, основатель позитивизма Огюст Конт (1798-1857), провозгласивший лозунг «Живи для других» (revile pour outre) в качестве основного принципа человеческого общежития. На наш взгляд, в существующей на сегодняшний день научной литературе по проблеме альтруизма можно выделить два основных направления: теологическое и естественнонаучное. Представители первого направления предписывают альтруизму божественное происхождение, связывают его с религиозными убеждениями человека, способного творить добро, не рассчитывая на воздаяние. Победу над эгоистической природой приверженцы теологической концепции рассматривают как шаг к обретению высшей духовности.

Суть теологической антропологии в целом определяется «сложным» устройством человека, состоящего из двух противоположных начал: животного и божественного. Изначально, по воззрению теологов, душа человека предана «внутренней войне» и отягощена постоянными маятниковыми колебаниями между эгоизмом и альтруизмом. Низменное, животное, телесное начало побуждает человека к удовлетворению собственных потребностей, обслуживанию гедонистических желаний своего «Я», в то время как «вертикаль духа» личности хотя бы на подсознательном уровне вызывает естественную склонность к сострадательной любви. Обучающий нравственный алгоритм всех мировых религий (христианство, ислам, буддизм) построен на увеличении доли «человеческого в человеке», на усилении альтруистического начала и подавлении эгоистического.

Представители второго направления («естественники») объясняют сущность альтруизма законами биологической преемственности, генетически заложенными в природе человека. Они полагают, что «генератор» альтруистических качеств находится не вне человеческой природы, а внутри ее, на уровне безотчетного,